

Лидия Нелидова

ДЕВОЧКА ЛИДА

Девичьи
судьбы

Девичьи судьбы

Лидия Нелидова

Девочка Лида

«ЭНАС»

1876

УДК 82-3
ББК 84(2)44

Нелидова Л.

Девочка Лида / Л. Нелидова — «ЭНАС», 1876 — (Девичьи судьбы)

ISBN 978-5-91921-500-4

На рубеже XIX–XX вв. девочки и мальчики зачитывались повестью Лидии Нелидовой о приключениях фантазерки Лиды. Эта искренняя, живая и смелая девочка проказничала более века назад, но ее радости, беды и горести остаются актуальными и по сей день. Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84(2)44

ISBN 978-5-91921-500-4

© Нелидова Л., 1876
© ЭНАС, 1876

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	26
Глава VII	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лидия Нелидова

Девочка Лида

© Е. Баскакова. Иллюстрации, 2016

© А. Власова. Обложка, 2016

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2016

Глава I

– Вы не спешите, осторожней носите. Поспешишь – людей насмешишь! – говорила няня, разгибая на минуту свою старую спину и принимая из рук Любы стопку белья.

Няня стояла на коленях на полу перед раскрытым чемоданом. Ее голова, туго повязанная поверх седых волос темным платочком, то и дело поднималась и опускалась, а милое старое, морщинистое лицо смотрело строго и озабоченно. Няня была сильно занята – она укладывалась.

В сторонке, ближе к стенам, на стульях, на детских кроватях, на столе и на сундуке было разложено и приготовлено к укладыванию белье. Лежали горками простыни, наволочки, сорочки, чулки, панталоны. Были приготовлены также платья и теплые вещи. На полу, подле чемодана, стояли два саквояжа, шкатулка и большая плетушка¹. Видно было по всему, что кого-то собирали в дорогу.

В детской было шумно и весело, так весело, что если бы кто постоял и послушал у закрытой двери, то непременно подумал бы, что там справлялся какой-нибудь праздник. Но ничуть не бывало: все веселье состояло для детей в том, что няня позволила им помочь себе. И это было чудо как весело!

Нужно было бегать взад и вперед по комнате к чемодану и от чемодана, разбирать разложенные вещи, носить и подавать няне то, что она спрашивала. При этом позволялось в промежутке повернуться на одной ножке, попрыгать, покружиться мельницей. Няня была в хорошем расположении духа, ни на что не сердилась и, несмотря на веселый гам, напевала какую-то песенку.

Детей в комнате было четверо: старший – Коля, рослый и толстый мальчик; маленькая худенькая темноглазая Лида; розовая, пухлая, как булочка, – Любочка и Жени – трехлетний бутуз.

Жени засунул один палец в рот, другой – за пояс своей рубашонки и в раздумье остановился посреди комнаты. Ему ни за что не хотелось отстать от старших – дело было такое веселое! Подумав, Жени решил оказать всем посильную помощь. Маленькими шагами подошел он к комоду, захватил из нижнего ящика огромную кучу полотенец и носовых платков и, с трудом удерживая все это руками и придерживая подбородком, потащил к чемодану.

– Дети, – предупредила вдруг няня, – не носите зараз помногу и забирайте поаккуратнее, а то вы уж очень мните белье. Мама нам после спасибо не скажет, когда ей придется все мятое надевать.

---

¹ Плетушка – плетеная корзина (здесь и далее примеч. ред.).

Няин темный платочек на минуту поднялся над чемоданом. Она повернулась к детям и как раз увидела Жени. Он медленно, еле передвигая ноги, приближался к ней со своей огромной ношней.

– Ах ты, Женя, Женя!.. – Няня всплеснула руками. – Ну можно ли так, сколько набрал! Клади скорей половину сюда, на сундук!

Но было уже поздно. Не успела няня договорить, как глаза Жени вдруг с испугом уставились на нее. Он ли что зацепил, его ли что-нибудь зацепило, только он покачнулся, ручонки его раздвинулись, белье выпало из них, платки и полотенца разлетелись по сторонам, а сам Жени повалился на пол.

– Вот тебе и на!

Все на минуту сконфуженно смолкли. Няня заговорила сердито:

– Что значит няню не слушаться!.. Сказала я – так нет, ухом не ведет. Набрал столько, что и большому не удержать.

Няня наклонилась и стала подбирать разбросанное белье.

– Что ж ты не встаешь? – обратилась она к Жени.

Жени не поднимался. Он как упал, так со страху и остался на полу. Он боялся няни, думал, что она сердится.

Но няня уже не сердилась, взглянула на малыша и не смогла удержаться – засмеялась, а за ней расхохотались и дети, громче всех, конечно, Лида, известная хохотушка. Впрочем, Женя был и в самом деле пресмешной в эту минуту: толстенький, маленький, круглый как шарик. Рубашонка его задралась, волосы упали на лоб, и из-под челки он украдкой посматривал на няню: что она?.. Очень ли недовольна?

– Ну, друг милый, вставай! – сказала няня, поднимая его. – Только больше уж не трогать у меня ничего, а то опять, пожалуй... Не годишься ты в помощники, мал еще.

Она оправила ему рубашонку, пригладила рукой волосы и отвела на середину комнаты.

Жени совсем опечалился. Ему так хотелось помочь старшим. А делать было нечего: если няня раз что сказала, так уж не переменить ни за что. Такая, право!.. Жени вздохнул, поплелся в уголок к креслу, поставил его около чемодана, запряг веревкой стул и повез няню на Кузнецкий мост, на Тверскую и по всем улицам, какие только знал.

– Ну вот и умница, – похвалила его няня и мимоходом погладила по головке.

Укладывание между тем продолжалось своим чередом. Дело шло хорошо и уже подходило к концу. Уложили белье и принялись за платья. Лида с Любой помогали няне и держали за подол юбки, пока няня аккуратно, по швам, складывала их. Коля скальвал, где было нужно, булавками. Платья положили поверх белья, чтобы не так мялись, а еще сверху платьев – теплые вещи, чтобы легче было достать, если сделается холодно в дороге.

– Ах, няня, – сказала Лида, – вот теперь как нам весело помогать тебе, а зато потом ведь будет вдвое скучнее.

– Что так, матушка? – спросила няня.

– Да как же! Все уедут, останемся мы одни...

– Уж и одни!

– Да, конечно, одни! Мама уедет, ты уедешь, Милочка уедет...

– Папа с вами останется, – заметила няня.

– Один только папа и останется! Да ведь он всё сидит у себя в кабинете или куда-то уезжает. Ему с нами никогда бывать. Всё книжки читает, – прибавила Лида с сожалением.

– А я вот всё не пойму, куда это вы едете, няня? – спросила Любочка.

– Лечиться на морские купания, – ответила за всех поспевавшая Лида.

– На какие купания? – переспросила Любочка.

– На морские.

– А где это?

- В море.
- А где море?
- Далеко отсюда.
- А что такое за море?
- Такая вода.
- Вода?
- Да, такая большая-большая вода! – пояснила, широко размахнув руками, Лида.
- Няня, правда это? – спросила Люба.
- Правда, Дуся. В море много воды, и мама будет купаться в нем.
- Да ведь и у нас в деревне, в пруду, много воды и купальни есть. Зачем же туда ехать?

И у нас можно купаться, как в прошлом году.

- Там, в море, вода не такая, как в пруду. Там вода соленая, – пояснила няня.
- Соленая?.. Что ты, няня! Кто это тебе сказал?
- Да уж кто бы ни сказал, а говорю верно. В море вода соленая, – повторила с убеждением няня.

– И если взять в рот, и во рту будет солено?

– Уж конечно. Ее нельзя пить, никто ее и не пьет. Да как же вы ничего не знаете про море, дети? Разве никогда не слыхали? Папу бы попросили, он бы вам рассказал, а то в книжке бы почитали. Это получше, чем над сказками по вечерам глаза портить.

Лида нахмурила брови. Ей стало досадно за нянино замечание и тем досаднее, чем вернее оно к ней относилось. Ей захотелось как-нибудь вывернуться.

- Кто тебе сказал, что мы не знаем, няня? Я читала про море, я знаю.
- Знаешь? – спросила няня. – Что же ты знаешь?
- Да так, знаю про море... вообще...

Лида старательно припоминала в эту минуту «Сказку о рыбаке и рыбке»: «Жил старик со своею старухой у самого синего моря». В другой сказке она читала, что в море есть кит. Но кроме сказок, она про море ничего не читала.

Няня прищурилась и зорко поглядела на Лиду:

- А что же ты давеча рассказать не сумела, когда Люба тебя спросила?
- Как не сумела?! Я ведь говорила: море – вода.
- Что же это значит: вода? Этого мало... Вон и в стакане вода.
- Все равно! Море – вода. Все равно!..
- Нет, не все равно, – серьезно заметила няня.

Но никакой серьезный тон не мог уже подействовать на Лиду. Она забыла, с чего начала, забыла, с кем спорила, и заговорила громко и сердито.

Минутки две-три няня стояла напротив Лиды и смотрела, не перебивая ни полусловом. Потом потеребила себя за кончик платочка, подумала, наконец подошла к Лиде, взяла ее одной рукой за плечо, а другой – похлопала несколько раз поверх юбок.

– Вот тебе! Вот тебе, экая спорщица, крикунья! И не говори впредь...

Но Лида не дала договорить няне. В минуту она повисла у нее на шее, стала теребить и душить ее поцелуями.

– Милая!.. Яблочко, перчик!.. Прости, голубонька! Не буду! Ах, что я стану делать без тебя? Я без тебя умру, когда ты уедешь.

Лида все цеплялась за няню, приговаривала и обнимала ее.

– Не умрешь. Бог милостив, а только... Беда мне с тобой, Лида, – промолвила няня. – Ну-тка, пусти меня!

Няня насилиу высвободилась из Лидиных объятий и снова подошла к чемодану, а Лида так и осталась на месте.

– Няня! А ты зачем едешь? Ты ведь не больна, тебе не нужно купаться? – спросил няню Коля.

– Я-то не больна, да мама наша больна за двоих. Надо будет там поберечь ее, ходить за ней хорошенько. Кроме меня, никто сделать этого не сумеет, а то она еще пуще расхворается, и пользы не будет никакой.

– Милая няня, ты поезжай, потому что маме нужно. Только мне тебя так жалко, так жалко, просто даже сказать не могу!

Лида подошла к няне сзади и крепко обняла ее обеими руками.

В комнате на минуту все притихло.

Прошло немного времени, и наконец все было увязано, уложено и готово. Чемодан стоял еще раскрытый, но уже набитый так тую, что не оставалось свободного местечка. Саквояжи были тоже почти полны. Одна плетушка стояла пустая: в нее надо было положить чай, сахар, хлеб, пирожки, а все это не было еще приготовлено.

Няня обошла комнату и осмотрела везде, не забыли ли чего дети, не нужно ли еще что-нибудь уложить, но ничего не нашла.

– Ну, детушки, – сказала она, – хорошо, все уложили. Готово, значит! Коля, сбегай-ка, друг милый, вниз, позови Митрия. Сейчас закроем чемодан и завяжем.

Коля побежал, а няня взяла половую щетку и начала подметать и убирать комнату.

Вернулся Коля с Дмитрием, дворником, или, лучше сказать, на Дмитрии, потому что сидел у него на плечах. Дмитрий был высокий, сильный человек. Лицо у него было доброе, и сам он тоже был добрый. Дмитрий очень любил детей, особенно маленьких. Он сейчас же подхватил себе на руки Жени и начал бегать с обоими мальчиками по комнате. Лида с Любой пустились догонять их, ловить за ноги, и поднялась такая возня, что няня уши зажала.

Дети всегда радовались приходу Дмитрия. Он непременно приносил что-нибудь с собой: какие-нибудь дудочки, трещотки, волчки либо еще какой-нибудь гостинец. Иногда просто играл с ними, а то сказки рассказывал. Как было его не любить!

– Будет, ребятки! Устал, запыхался совсем! – сказал наконец Дмитрий, когда все набегались до того, что сделались красны как раки, а няня выбилась из сил, унимая шалунов.

– Да полно, полно же вам наконец! – ворчала старушка. – Побегали, и будет. Дети, посидите лучше, отдохните, скоро обедать пойдем. Экой ты, Митрий, – прибавила она, когда дети уселись наконец смирно по стульям. – Тебя за делом позовешь, а ты уж беспременно штуку какую-нибудь учинишь.

Няня с укоризной покачала головой, а Дмитрий ничего не ответил, только усмехнулся да почесал себе затылок.

– Что сделать-то прикажете, Ирина Игнатьевна? Зачем я вам надобен был? – спросил он через минуту.

– А вот чемодан запереть, завязать, – ответила няня. – Мне одной не справиться, сил моих не хватает.

– Извольте-с, с нашим удовольствием. Веревочку только пожалуйте, а то вязать нечем.

– Сейчас, сейчас! Этого добра, веревок-то, у меня много.

Няня открыла верхний ящик своего комода, достала толстую длинную веревку и подала ее Дмитрию.

– Ну теперь, господа, на подмогу ко мне прошу! – обратился он к детям.

– Ты уж опять не придумай чего, Митрюшка, – жалобно начала было няня, но дети уже вскочили и побежали все к чемодану.

Дмитрий действовал проворно: закрыл крышку, потом приподнял чемодан с одной стороны своими сильными руками так легко, как будто это была маленькая шкатулочка, и поддел под него веревку. Дети стали в кружок и во все глаза смотрели, как он управляетя.

– Живет, до Китая доедет! – сказал Дмитрий, разгинаясь и отбрасывая волосы с лица. – Прошу всех господ покорнейше на крышку влезть. Полезайте, ребятки!

Дмитрий взял Жени на руки и посадил на чемодан. Коля, Лида и Люба, цепляясь друг за друга, влезли на него сами и стали давить крышку руками, ногами. Дмитрий «понапер еще маленечко коленкой», няня вставила ключ, замок щелкнул – и чемодан был торжественно заперт.

Через четверть часа в комнате была уже тишина и полный порядок. Саквояжи и завязанный чемодан стояли в сторонке, у стены, а дети мыли руки, причесывались и оправляли платья, потому что пора было идти вниз обедать.

Глава II

Милая мама!.. Какая она была печальная, больная! Щеки худые, бледные, добрые глаза такие печальные, с покрасневшими веками. Видно было, что она плакала, и еще было видно, что у нее сильно болела голова. Однако она приласкала всех детей и старалась улыбаться за столом. Хотела было даже сама донести Жени до зала, но не смогла, едва подняла и сейчас опустила. Впрочем, Жени был порядочный бутуз, и даже няня насили его поднимала.

Дети смотрели на свою маму, и никогда еще она не казалась им такой доброй, милой и в то же время такой больной. Им сделалось очень жаль ее, жаль расстаться с нею завтра, и они печально и тихо сели за стол.

Пришел из кабинета папа и сел на свое обычное место, на другом конце стола, напротив мамы, и сейчас же заметил, что все были невеселы.

— Что это с вами нынче? — спросил он, посматривая кругом себя. — Ребятишки, что носы повесили?

Никто ему не отвечал, дети молча ели суп.

— Ирина Игнатьевна, — обратился он к няне, — дети, верно, нашалили, и вы их наказали?

— Нет, батюшка, не шалили они, и я не наказывала. Мы вот все наверху у себя убирались, сейчас только вниз сошли, — ответила няня.

— Ну так что с вами? Любаша, а? Ты чего такая? — Папа легонько ушипнул за щеку Любку и незаметно дал сзади маленький подзатыльник своему соседу — Коле.

Дети рассмеялись, развеселились и на время забыли, что завтра надо будет провожать маму, забыли заодно и все наставления, которые делала няня про то, как нужно сидеть за столом.

Лида с Любой принялись воевать из-за хлебной горбушки. Обе очень любили горбушку, и, как на беду, обе сразу ее увидали и вместе схватились за нее. Горбушка от черного хлеба была такая поджаристая, такая вкусная — ни одной не хотелось уступить.

— Я прежде увидела ее, — сказала тихо Лида.

— А я прежде взяла, — ответила Любочка. — Ты еще и не думала, а я уж протянула руку к тарелке.

— Ну так что ж, что ты протянула руку? Ведь ты слышала, я первая сказала: горбушка моя!

— Ничего ты не говорила.

— Нет, сказала!

— Нет, не говорила.

— Сказала, сказала!..

Няня была занята на другом конце стола: она резала Жени говядину и не могла ничего видеть. Тарелка с хлебом ездила между тем по скатерти: Лида старалась захватить горбушку себе, Люба — отнять у нее, и, может быть, дело кончилось бы плохо, как вдруг... горбушка исчезла.

Девочки с изумлением взглянули друг на друга — ни у той, ни у другой ее не было. Лида приподняла край скатерти, поглядела под стол — нет ничего. Не упала ли она как-нибудь на колени? Нет, тоже не видно.

Ах, она у папы!.. Он преспокойно как ни в чем не бывало обмакивал ее в соус. И как это он успел? Никто и не заметил.

— Ну что? — смеясь, спросил папа. — Никому не досталось! Вперед уступайте друг другу или делитесь, а не спорьте так, что недалеко и до драки. Ну вот вам по кусочку. А в другой раз заспорите — все съем, ничего не оставлю.

Девочки присмирели.

— Папа! — начал Коля. — Расскажи нам, пожалуйста, про море. Какое бывает море?

– Море? – повторил папа. – Отчего это тебе вздумалось спросить?

– Да так. Мы нынче с няней обсуждали, куда мама поедет. Люба спросила про море, а няня сказала, нужно тебя попросить рассказать. Расскажи, папа!

– А правда, папа, что в море вода соленая? – перебила Люба.

– Правда.

– А как же это так?

– Долго рассказывать, а теперь некогда: надо есть. Вот после обеда потолкуем, если хотите.

– Ах, конечно хотим, хотим, папа! – закричали дети.

Папа чудесно рассказывал!

– Ну так приходите в диванную после обеда.

Всем сделалось весело после такого приглашения. За столом, подле мамы, сидел с одной стороны маленький Жени, а с другой – старшая дочь Миличка.

Миличка была высокая голубоглазая девочка. Мама брала ее с собой за границу, и Лида заметила, что она от этого стала еще больше важничать.

– Папа, я тоже приду послушать тебя, – сказала Мила. – Я немножко читала, это очень интересно, а ты, верно, хорошо все расскажешь.

– Приходи, приходи, моя умница, – ответил папа.

Обед кончился благополучно. Подали жаркое и к нему огурцы, и хоть Лиде с Любой очень хотелось поспорить за огурчик-двойчатку, однако они, помня давешнюю горбушку, решились уступить его уж лучше Коле, чтобы не было обидно ни той ни другой. Потом был любимый сладкий пирог, а потом все встали из-за стола.

Глава III

Диванная – славная, уютная комната в два окна, глядящих прямо в палисадник. Пол ее весь покрыт старым персидским ковром с мелкими цветочками и пестрыми звездочками, которые было так хорошо считать и рассматривать. Вдоль стен стояли диваны и подле каждого – кресло и столик. С потолка спускалась лампа с абажуром, разрисованным какими-то удивительными узорами и фигурами: на одной стороне кривлялся паяц в огромном колпаке, а кругом летали не то мухи, не то жучки, не то просто какие-то закорючки, на другой был букет цветов и две бабочки. Все это было точно живое, когда лампу зажигали и внутри светил желтый огонек.

Дети очень любили эту комнату. Все после обеда обыкновенно приходили в нее посидеть, так как папа не позволял бегать сразу после еды, говорил, что это вредно для здоровья.

Мама устала от обеда – ей принесли из спальни подушку, и она прилегла отдохнуть на диване. Жени примостился возле мамы, Коля подле Жени, Мила с работой у столика; Любочка взяла себе низенький табурет, а Лида, известная егоза, поместилась прямо на полу, на ковре, и уверяла, что ей так будет отлично, удобнее всех.

Папа ушел к себе в кабинет, и все с нетерпением ждали его и его рассказ: всем хотелось послушать про синее море. Лида стучала от большого нетерпения кулаком по коленке и вспоминала свой давешний спор с няней. Милочка прилежно обшивала кружевами новый воротничок и подымала от работы свои голубые глаза только для того, чтобы время от времени с укоризной взглянуть на сестру, но та ничего не замечала.

Пришел из кабинета папа, придвинул к дивану кресло, закурил сигару и сел. Все головы повернулись к нему. Папа обнял одной рукой Колю за плечи и спросил:

– Про что ты просил меня рассказать, Коля?

– Про море, папа.

– А что это такое – море?

– Море – вода, – ответил Коля, – очень большая вода.

– Большая вода! – повторил, улыбаясь, папа. – Пожалуй… И все-таки – какая она? Как наш пруд на даче или больше?

– Конечно больше, папа, – ответил Коля.

– Больше, и гораздо больше. Пруд в сравнении с морем так же мал, как стакан воды перед прудом, даже еще меньше. Москва – большой город, наша деревня – тоже большая. Таких деревень и городов много, много по всей земле. Кроме городов, есть поля и леса, большие равнины и огромные горы. И все-таки на свете воды больше, чем суши, то есть сухой, твердой земли. Каждое отдельное море также очень велико. Если стать на одном берегу нашего пруда, то другой берег виден хорошо, на нем можно все разглядеть: и деревья, и кусты, и человека, коли он там станет. В море же не то, в море другого берега совсем не видно, и когда люди выезжают в открытое море, то они только и видят под собой воду, а над собой – небо.

– Батюшки! Совсем не видать земли! Да ведь это, должно быть, страшно, папа! – заметила Люба. – Я бы ни за что не поехала.

– А я бы поехала, непременно поехала бы! – закричала по своему обыкновению Лида, но, увидав, что мама поморщилась, продолжала потише, размахивая руками и блестя глазами: – Я бы знаете что сделала? Я бы взяла лодочку маленькую-маленькую, челночок, села бы в нее, взяла весло и уехала бы далеко-далеко, туда, в самое море.

Папа засмеялся:

– Ну, на маленькой лодочке да еще с одним веслом ты бы далеко не уехала.

– Отчего?

– Оттого что на лодочке в море опасно пускаться: как раз водой зальет, будет бросать, как щепку. По морю плавают на кораблях, на пароходах. Можно и на лодках, только недалеко, у берега.

– А какие бывают корабли, папа?

– Ну, подожди немножко. Прежде узнаем хорошенько, какое бывает море, а потом – и какие корабли по морю плавают… Так вот, мы сказали, что море очень большое, больше всякого пруда, всякого озера. Но не одним этим оно отличается, есть еще и другие особенности. Во-первых, вода в море…

– Соленая, – перебил Коля.

– Верно, даже горько-соленая. Если мы возьмем стакан воды и прибавим в нее соли, то вкус ее будет не совсем такой, как вкус настоящей морской воды. В ней есть еще горечь, она горько-соленая. Пить ее нельзя, да и проглотить трудно – такая она неприятная.

– А как же те люди, которые плавают по морю, когда они много дней не могут доплыть до берега?.. Что же они пьют, папа? – спросила Люба.

– Ну, а как ты думаешь?

– Они, верно, берут с собой воду. Во всё набирают: во все графины, пузырьки, в чашки, в стаканы…

– Погоди, погоди! – улыбаясь, прервал ее папа. – Нужно было бы слишком много графинов и пузырьков, чтобы набрать воды достаточно для всех людей на корабле. Они поступают проще и не берут так много мелкой посуды. Для этого есть на кораблях особенные огромные бочки, хранища для воды, в них запасают воду и сохраняют во время плавания. При этом берут с собой побольше других напитков: вина, пива – и при удобном случае пристают к берегу, чтобы набрать свежей воды. А кто знает, как называется, в отличие от соленой морской, обыкновенная вода, которую мы пьем?

– Она называется пресной водой. Так, папа? – ответила Мила.

– Так, дитя мое. Как называется обыкновенная вода? – спросил папа, обращаясь ко всем детям.

– Пресной, – повторили все, кроме Лиды.

– Хорошо. Значит, мы теперь узнали, что море очень большое, что в нем не пресная, а горько-соленая вода. Пойдем дальше, не узнаем ли еще чего-нибудь? Пробовал ли кто-нибудь из вас опускать в пруд палку у берега?

– Я пробовал.

– Ну и что же?

– Моя палка до дна доходила. У берега мало воды, земля видна.

– Ну, а на середине пруда не пробовал?

– На середине нельзя достать, там большим веслом не достанешь – там глубоко.

– Ну вот, так же и в море: у берега мелко, немного воды, а чем дальше от берега, тем становится глубже. Море очень глубоко. Глубина его считается не аршинами, а саженями². Где в тысячу, а то и три тысячи и более саженей.

– Папа! Да как же могли смерить такую глубину? – спросила Люба.

– Простым шестом, палкой, смерить, конечно, нельзя. Для этого есть особенный снаряд. Сейчас расскажу вам, как он устроен.

Папа докурил сигару и погасил ее в пепельнице. Милочка подняла глаза от работы и с минуту смотрела на него, как бы не решаясь заговорить.

– Позволь мне рассказать, папа, – промолвила она наконец. – Я недавно читала про это в своей новой книжке и, кажется, запомнила.

– Очень рад. Изволь, коли знаешь.

---

² Сажень – старинная мера длины, равная трем аршинам (2,13 метра).

Папа замолчал, а Мила оставила работу, как примерная девочка выпрямилась, оправила платье и, сложив на коленях руки, начала рассказывать очень спокойным и ровным голосом:

– Для того чтобы смерить, как глубоко море, употребляется особенный снаряд, который называется лотом.

Лида не поняла, как называется снаряд, но спрашивать ни за что не хотела.

Зато Коля не церемонился и переспросил Милу:

– Мила, как, ты сказала, называется снаряд-то?

– Лот, – повторила Мила. – Устраивается этот лот очень просто: берут длинную, очень длинную веревку и к ней привязывают гирю. Гиря эта устроена особым образом: в нижнем конце ее сделано небольшое углубление, которое смазывается салом. Потом, когда корабль плывет по морю, эту гирю опускают в море. Гиря, разумеется, сейчас же уходит вниз и тянет веревку в воду до тех пор, пока сама не дойдет до дна. А как опустится на самое дно, то остановится. Люди наверху сейчас же заметят это: они увидят, что веревка больше не тянется вниз, значит, гиря дошла до дна. Тогда они делают заметку на веревке, на том месте, до которого она была в воде, и потом вытаскивают лот наверх. Вытащат веревку, всю, до самой гири, смерят, сколько намокло в воде, и по веревке узнают, как глубоко море, а по тому, что попадет и прилипнет к салу в углублении гири, узнают, какое у моря дно.

Миличка рассказывала так спокойно, так плавно, будто по книжке читала, никак не смущалась и ни разу не запнулась. Во все время рассказа Лида не сводила с нее глаз, но видно было, что не одно внимание заставляло ее смотреть так. Она жадно ловила каждое слово, и с каждым словом ей становилось все грустней. Ей снова вспомнился ее спор с няней...

Да, она совсем не знала ничего такого умного и интересного. Она совсем не умела рассказывать так, как Мила. Правда, она хорошо сказки сказывала, – так хорошо, как никто, даже лучшие няни, а уж на что та была мастерица. Но что же сказки!.. Их всякий знает.

Лида опустила голову и подумала, что, кажется, все бы отдала, только бы быть на месте Милы, только бы ей, а не Миле сказал бы папа: «Ай да молодец! Нет, какова у меня дочка!»

Папа ласково смотрел на Милу. Миличка ничего не ответила, только чуть улыбнулась, а Лида обхватила руками колени и уткнулась в них лицом.

– Вот мы сколько узнали теперь про море, – снова начал папа. – А какого цвета оно? Кто знает, какое на вид море?

– Море синее, – поглядев исподлобья, скоро проговорила Лида.

– И если налить воды в стакан, так она тоже синяя будет, папа? – спросила Люба.

– Нет, совсем нет. Она будет прозрачная и бесцветная, как обыкновенная вода, которую мы пьем.

– Так как же это: в море синяя, а в стакане белая?.. Разве это может быть?

– А разве та самая вода, которую ты пьешь, такая же прозрачная в реке и в пруду, как в стакане? В стакане ты все видишь на дне, а в пруду?

– Нет, папа, в пруду ничего не видно.

– А цвет у неё одинаковый?

– Нет. В стакане вода светлая, а в пруду темная. Да отчего же это так, папа?

– Оттого, – ответил папа, – что в пруду воды много. Посмотри на стекло в оконной раме: оно белое, прозрачное. Ну а если много таких белых стекол положить одно на другое, что будет?.. Видела ты, как стекольщики носят в своих ящиках стекла? Какие они?

– Зеленые, темные.

– Ну вот, видишь! Положенные одно на другое, они – темные, а между тем каждое отдельное стекло прозрачно и чисто. Так точно и вода в синем глубоком море. Впрочем, чем больше соли в морской воде, тем цвет ее синий, а на севере, в холодных морях, вода кажется зеленоватой. Зависит цвет моря также и от того, что в нем водится очень много всяких мелких, маленьких живых существ. Меняется его цвет и от цвета неба. Море – как зеркало: в хорошую

погоду, когда небо голубое, и море бывает синее. В дурную же, когда по небу ходят темные тучи, и море темнеет, а в сильную бурю оно кажется почти черным. Кто не видал моря, тот и представить себе не может, какое оно огромное и великолепное. Чего-чего только нет в нем, в его глубокой соленой воде! Есть такие чудеса, каких не увидать на земле: огромные бело-розовые раковины, целые леса водяных растений и леса из коралловых ветвей – красных, розовых, белых. Каких только рыб не плавает в море! Словно островок, показывается и пускает высоко фонтаны огромный кит, а маленькие летучие рыбки с прозрачными крыльшками перелетают низко, над самой водой.

Хорошо море в тихую погоду, когда оно ровное, гладкое, будто зеркало, когда далекие корабли с распущенными белыми парусами кажутся белокрылыми птицами на нем. Страшно море в бурю, когда подымаются черные волны, растут выше и выше и падают, разбиваются друг о друга, будто ссорятся. Тогда корабли, собрав свои паруса-крылья, кажутся щепками, мелкими пташками среди валов. Хочется им припасть к берегу – и не могут, и относит их ветром, хлещет волнами…

– Ах, бедные корабли! Бедные люди на них! Страшно им как! – заговорили разом Люба и Коля. – Ведь потонут эти корабли, папа? Непременно потонут?!

Папа улыбнулся, хотел сказать что-то, но не сказал. Он посмотрел на Лиду.

Она сидела на полу, упервшись локтями в колени, положив на ладонь бледное худое лицо. Темные, широко раскрытые глаза смотрели куда-то в одну точку. Она думала о море, о кото-ром рассказал папа. Оно представлялось ей почерневшим, бушующим, с высокими, грозными волнами, и ей не было страшно. Папа сказал, что по морю не ездят в лодках, а ей все-таки хотелось взять маленькую узкую лодочку – такую, как она видела у старого рыбака на озере, – сесть в нее и поехать туда, далеко, в самую бурю.

– Что с тобой, Лида? – смеясь, сказала вдруг Милочка. – Ты точно спишь с раскрытыми глазами. Проснись, пожалуйста. – И она тронула ее за плечо.

Лида взглянула на всех так, как будто действительно только что проснулась, и начала усердно моргать.

– А ведь ты не сказал нам самого главного, папа, – проговорил Коля. – Я ведь затем тебя и спрашивал про море, что мне хотелось знать: почему мама едет купаться в нем? Почему она не хочет купаться в пруду, у нас в деревне, как в прошлом году?

– Почему? – повторил папа. – Теперь ты уже знаешь, Коля, что в море вода не такая, как в прудах и реках, стало быть, и купаться в ней совсем не то, что в пресной воде. Есть болезни, при которых морское купание особенно помогает. Соленая вода укрепляет тело, да, кроме того, и воздух близ моря бывает свежий, здоровый, полезный. Вот, Бог даст, поедет на море наша мама и вернется оттуда такая же здоровая и розовая, как прежде была, и ты сам увидишь тогда, насколько полезно действие моря.

Мама лежала на своих подушках бледная, как наволочки, и казалась очень усталой.

– Ну, что будет потом, про то никому не известно, а пока, ребятишки, боюсь, утомили мы с вами маму, заболтались совсем. Ступайте к себе наверх, играйте, – довольно сидеть. В другой раз еще потолкуем о море, а теперь будет.

Папа встал, а за ним поднялись и дети. Все чинно вышли из диванной, осторожно ступая, чтобы не стучать каблуками. Но едва они очутились за дверями, как поднялась возня: Коля ущипнул за руку Любку, та завизжала и бросилась бежать, Коля за ней, Лида за Колей и по дороге сбила с ног Женьку.

Когда все наконец благополучно собрались в детской, то увидали, что няня уже накрывала на стол и расставляла чашки для вечернего молока.

Глава IV

В детской, на хорошенъких новых часах с блестящими медными гирьками, с пастушкой и барашками на картинке, пробило семь. Последний звонкий удар разбудил Лиду.

Лида вскочила на своей постели, раскрыла заспанные глаза и посмотрела кругом.

Все дети еще спали, няни в комнате не было.

Лида подумала, что еще рано, и снова прилегла на подушку – она хотела припомнить свой сон.

Ей снилось, будто она – маленькая птичка с большим носом, и нос этот все растет, становится длиннее и длиннее, достает до самого синего моря и она пьет из него горько-соленую воду. Лида подумала: что, если бы у нее в самом деле был такой длинный нос?

Ей показалось это очень смешно, и она громко расхохота лась.

– Чего ты, егоза? – спросила няня, входя и внося кувшин воды для умывания. – Чему обрадовалась?

Но Лида уже не радовалась: она увидела няню и разом вспомнила, что сегодня няня уезжает и мама тоже уезжает. После веселого смеха ей вдруг сделалось совсем грустно, и она медленно стала натягивать чулки и обуваться.

Проснулся Коля и закричал петухом, да так громко, что Жени испугался со сна и запла-
кал. Няня пригрозила шалуну, подошла к Жениной кроватке и стала его успокаивать.

Разбудили наконец и Любочку, известную соню. Пошло всеобщее причесывание, умывание, одевание. Только на этот раз не няня помогала детям умываться и одеваться. Няня стояла в стороне и только показывала и рассказывала маминой горничной, толстой Матрене, как что делать, где что взять, куда положить.

Лиде казалось, что Матрена слишком помадит волосы, что она нехорошо заплетает косы – не так, как няня, и больно дергает. Она сердилась и капризничала, так что няня не вытерпела и закричала на нее:

– Постыдись, озорница! Большая девочка, а хуже маленьких! Если ты при мне этак мане-
ришься, так что же без меня-то будет?

Няня отвела Лиду за руку в сторону, сама завязала фартук и пришиплила к косам бант.

– Ах, няня, без тебя все пойдет вдвое хуже, – печальным голосом ответила Лида.

– Вот тебе на!.. Утешила меня, старую, нечего сказать! – заметила, покачав головой, няня.

– Да уж я знаю, без тебя все мои несчастья начнутся. Что же мне делать, если я такая... дурная. Уж я не могу!.. Право, не могу!

– Вздор! – начала было няня, но в эту минуту пришла снизу Милочка и объявила, что мама просит привести детей пить молоко в столовую. Все были уже готовы и вместе с няней отправились по лестнице вниз.

Внизу началась обычная предотъездная суматоха. Дмитрия послали за извозчиками на железную дорогу. Чемодан и саквояжи стали перетаскивать в сени. Молодая, вертлявая горничная Аксюша сутилась, бегала взад и вперед, выносила в переднюю узелки и картонки. Няня, с дорожной мужской сумкой через плечо, в накрахмаленном белом чепце и новых скрипучих башмаках, расхаживала по комнатам, делала наставления Аксюше и Матрене и осматривала, все ли припасено, не забыто ли что-нибудь.

* * *

В столовой все сидели за завтраком.

Мама казалась еще бледнее в дорожном темно-синем платье. Милочка была совсем серьезная, сидя в последний раз на своем обычном месте за самоваром.

– Будьте же добрыми, умными детьми без меня, – говорила тихим, милым голосом мама, обнимая Жени. – Пусть, когда я приеду, мне скажут про вас, что вы были послушными, слав-

ными. Папу не беспокойте, не огорчайте. Завтра или послезавтра приедет тетя Катерина Петровна. Пока меня не будет, она будет вам вместо меня.

– Вместо тебя, мама? Как это? – удивилась Лида.

– Значит, ее нужно любить и слушаться так же, как меня.

– Ну уж это ни за что, – с негодованием закричала вдруг Лида. – Я ее ни капельки не люблю, не то что как тебя. Я ее совсем не могу любить, она ужасно против…

Мама с таким беспокойством и так печально взглянула на Лиду, что Лида не договорила и опустила голову.

– Поди сюда ко мне, Лида, – позвала ее мама.

Лида медленно подошла.

– Ты знаешь, кто такая Катерина Петровна?

Лида кивнула.

– Катерина Петровна – моя родная сестра, а вам она – тетя родная. Она добрая и хорошая, ее следует любить. Если ты не любишь, что же делать! Верно, после полюбишь. Но слушаться… – Мама на минуту остановилась и продолжала тихим, серьезным голосом: – Слушаться ты ее должна, Лида. Понимаешь, должна.

Лида исподлобья быстро взглянула на маму, еще ниже опустила голову и промолчала.

– Мама, я буду любить тетю Катерину Петровну, коли ты хочешь, – ласково заговорила Любочка, зашла с другой стороны и прижалась к маме розовым лициком.

Мама хотела что-то ответить, но в эту минуту в дверях показалась кумачовая³ рубаха Дмитрия. Дмитрий объявил, что извозчики дожидаются у крыльца.

Все встали. Вбежала Аксюша и стала подавать маме бурнус⁴, калоши, перчатки, башлык⁵. Няня помогала Милочке. Дмитрий вышел в сени, вместе с извозчиком вынес и положил в пролетку⁶ чемодан и мешки.

Дети смирно стояли и во все глаза смотрели на то, что делалось вокруг них.

– Готово-с, барыня. Совсем-с, – сказала Аксюша и застегнула последнюю пуговку на мамином бурнусе.

– Готово, дитятко, – промолвила няня, опуская Миле вуальку на лицо.

– Что, все готово? – спросил пapa у Дмитрия.

– Готово-с, – ответил и Дмитрий.

– Ну, а готово – значит, пора. – Папа хотел было идти, но няня вдруг остановила его.

– Присесть бы надо перед путем, – промолвила она очень серьезно.

Папа улыбнулся, однако сел. За ним сели и все: и дети, и Матрена с Аксюшой, и Дмитрий, и кухарка Аннушка, тоже вдруг появившаяся в комнате.

– Половина десятого, не опоздать бы! – сказал пapa, поднимаясь со стула. – Прощайтесь скорее. Ребяташки, целуйте маму, да не тормошите слишком. Ну а что же это никто не плачет! Ну, Люба, Коля, ну скорей. Ай-ай! Ай-ай-ай!..

Папа закрыл лицо рукой и сделал вид, будто плачет.

Люба смотрела на него с улыбкой и полными слез глазами, как бы не зная, что делать: смеяться или плакать. Но вдруг взглянула на Лиду и разразилась горькими рыданиями. Жени держался все время за ее юбку, увидел слезы и тоже заревел.

Няня с укоризной махнула на папу рукой, сделала знак Матрене, чтоб она утешила Жени, и повела скорее маму под руку из комнаты.

---

³ Кумáч – хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета.

⁴ Бурнúс – плащ с капюшоном из белой шерстяной материи.

⁵ Башлы́к – теплый остроконечный капюшон, надевается поверх другого головного убора.

⁶ Пролётка – легкий открытый четырехколесный экипаж (двухместный).

Сели на извозчиков. В маминой пролетке подняли верх, и маминого лица уже не видно – видны только ноги да низ юбки. Папа стоял подле, заботливо усаживая маму. Милочка осторожно и ловко влезала в другой экипаж. Аксюша бегала кругом, подправляла, подсовывала то одно, то другое.

С крыльца сошла няня с озабоченным, строгим лицом. Она уже занесла на подножку большую ногу в резиновой калоше, чтобы сесть, но вдруг оглянулась на дом, спустилась, подошла к маме и сказала ей что-то. У пролетки опустили верх. Мама поднялась и, опираясь одной рукой на плечо няни, другой перекрестила детей, собравшихся с Матреной у открытого окна. Было видно, что она насилисто стоит, слезы текли у нее по бледному лицу и капали на белый башлык. Няня тоже подозрительно моргала, сжимала губы, а ветерок относил ей на глаза концы черной шелковой косыночки, повязанной поверх белого чепца.

Сели. Поехали. На повороте виднелась еще маленькая ручка Милочки в перчатке – она махала носовым платком. Но вот завернули за угол, ничего не видать...

– Ах мама, милая мама! Ах няня, нянечка, сердце мое!

Лида не плакала, она спрыгнула с окна и, не слушаясь Матрены, побежала одна наверх, в детскую.

Глава V

— Ах, как скучно! Просто сил нет. Ну что это за тоска за такая! Все уехали. Право, я не знаю, что делать от скуки! — И Любаша зевала так, как будто было по крайней мере десять часов вечера.

А было всего только семь, и вечер был прелестный: солнышко садилось, дневной жар уменьшился, повеял ветерок.

— Матрена, поведи нас гулять, пожалуйста, — сказала вдруг Лида.

— Ну куда это еще! — с неудовольствием отозвалась Матрена. — Погуляли поутру — и будет.

— Да что поутру! Поутру гораздо хуже, а теперь… Ты погляди только, как чудно теперь! Пойдем, пожалуйста, Матрена.

— А в самом деле, на улице теперь хорошо, должно быть. Вот бы пойти, — сказал Коля, перевешиваясь в окно.

— Матрена, что ж ты ничего не отвечаешь? Пойдешь ты? — продолжала просительным голосом Лида.

— Ах, да отвяжитесь вы от меня! Куда это еще идти? Темно скоро станет, сейчас спать пора. Вон уж Жени и то спит.

— И не думает он спать!

— Все равно, сказано — не пойду. Нашли время гулять!

Матрена уселась поплотней в свое кресло, сложила руки на животе и закрыла глаза. Видно было, что, если бы не Жени, она бы с удовольствием заснула.

— Няня пошла бы, я знаю, непременно пошла бы! — заговорила нервным голосом Лида. Щеки у нее покраснели; она хотела что-то прибавить еще, но удержалась.

— Ах, какая скука! — снова вздохнула Любочка. — Лида, расскажи нам что-нибудь. Сказочку… А то я, право, не знаю, что делать.

— Что тут рассказывать! Кто теперь сказки сказывает!.. Зимой сказки сказывают, а теперь надо бегать, гулять.

— Да что же делать, когда не хочет она! Ничего, Лида, ведь мы скоро на дачу поедем, там нагуляемся. А теперь расскажи что-нибудь. Голубонька, душечка!

Лида покачала головой.

— Расскажи, Лидуся, расскажи, — приставала Люба. — Ты так отлично рассказываешь, лучше всех.

— Лучше всех, правда, — горячо подтвердил Коля. — Чем так-то сидеть, расскажи, Лида, — прибавил он.

Странная, довольная улыбка мелькнула на губах Лиды.

— Нет, рассказывать я не стану. Я сегодня ничего хорошего не придумаю, я уж знаю. А хотите вот что?.. Хотите, я вам почитаю? — предложила Лида.

— Ну хорошо, почитай. Что же ты почитаешь?

— А вот новую книжку. Здесь одна сказочка есть, такая сказка… Только ты, Коля, уж я знаю, наверняка скажешь: «Все глупости».

— Конечно, все сказки — глупости, выдумки, — заметил Коля.

— Ну так что же, что выдумки?! А все-таки чудо как хорошо, — сказала, зажмурившись, Лида. — Сядем к окошку — светлей будет, и солнышко будет видно. Ну слушайте.

— Как называется сказка-то твоя? — спросил Коля.

— «Маруся». Ну, слушайте же!

— Ну слушаем.

Лида вскарабкалась в высокое креслице, дети подсели поближе к ней, поближе к окошку. И Лида начала звонким, неровным голосом.

МАРУСЯ

Сказка

Жил-был на белом свете – только не здесь, а далеко-далеко отсюда, в хорошей, привольной стороне, что Украиной зовется, – жил-был казак по прозванию Невтугай. Хорошо было жить казаку: дал ему Бог жену пригожую, добрую, дал и утеху под старость – малую дочку. Дочку Марусей назвали, и не чаяли в ней души отец с матерью.

Жили все ладно, счастливо. Только, сказывают умные старые люди, не бывает долго никому счастья на свете. Пошла под вечер к озеру за водой молодица, пошла да так и не вернулась домой. Куда сгинула, пропала, никто дознаться не мог. Сказывали, будто нашли в осоке алую ленту, но больше того, как ни искали, ничего не нашли. И осталась сиротою малая дочка, и вдовым остался казак Невтугай.

Погоревал, потужил да и женился на другой. Взял за себя старый жену молодую. Красавица была молодая жена: косы до пят, соболиные брови, карие очи. Гордо и вольно смотрела она этими очами из-под соболиных бровей, и так в первый же день на Марусю взглянула, что у бедной девочки вся душа в пятки ушла.

Невзлюбила красавица-мачеха падчерицу. За что про что, того не сказала, а только так невзлюбила, что всю жизнь ей отравила. Стала бить-колотить, золотую косу ей остригла, всякие платья-наряды отняла. Не было той черной работы, какую бы не сработала Маруся, такого тяжелого труда, что бы не велела ей мачеха делать.

А отец старый глядел, молчал, только седой головой качал. Боялся сам, не вступался, не защищал дочку.

И зачахла, завяла бедняжка, высохла вся как в поле былинка. Куда делось веселье детское, игры-забавы, песни звонкие! Осталась одна песенка заветная. Выйдет Маруся на тихое озеро, горько в той песне плачется, что оставила ее мама одну на белом свете, малую, беззащитную сиротинушку.

Вернулась раз Маруся домой, гусей своих с воды пригнала. Мачеха в окно увидела, на порог хаты выскочила, зоркими очами стадо окинула, в минуту всех гусей перечла. Недостает одного гуська. Накинулась она на падчерицу:

– Ах ты, зелье этакое, негодница! Так-то ты мне гусей стережешь!.. Скоро половину стада растеряешь! Ступай вон, девчонка поганая, и нет тебе места в хате, пока не найдешь мне моего гуська.

Ударила мачеха Марусю коленом в спину и вытолкнула вон за ворота.

Зарыдала бедная горькими слезами и поплелась назад гуся искать.

А вечер уж потемнел, и ночь сошла на землю. Пала роса. От болота туман-пар поднялся. Пошла Маруся в лес. Мокрая трава босые ей ноги знобила, ветки колючие голые плечи и руки царапали, волосы растрепанные за сучья цеплялись. Все дальше шла Маруся. Вот под ногами болото зачавкало, лес редеть стал, и из-за кустов озеро тихо выглянуло.

Сыро, безлюдно, темно! Как тут гуся найти?!

Постояла-постояла в думе Маруся, да и махнула рукой. Села на кочку под кустик, голову на руки положила и стала перед собою глядеть.

Чудно-хорошо было озеро! Стояло оно ровное, гладкое, будто зеркало, и гляделось в него небо синее, а с синего неба Божьи очи – частые звездочки. Месяц молодой серебряный из-за дымчатого облачка выплывал и лучи свои ясные в прозрачных волнах купал. Кругом – ракиты, березы, верба молодая, и все тихо, тихо, не шелохнется ни единый листочек.

Смотрит, смотрит Маруся. И видит она, чего никогда прежде не видала. Из-за густой осоки головою русалка кивает: смеется лицо бледное, блестят жемчужные зубы, и волосы зеленые по ветру выются. И смотрит и слушает Маруся. И слышит она: раздался над водой тихий голос, тихий, жалостный, не то ветер шелестит, не то вода звенит. Рассыпала слова:

Моя дочка, моя ясочка,
Ты зачем сюда пришла?
Видно, злая ведьма-мачеха
Тебя с хаты прогнала.
Не встать уж мне, не выплыти:
Пески в воде усыпали
Всю косу мне, всю русую;
Руки в камыше увязли,
А сердце мне змея-тоска
Сосет, грызет без устали.
Погубила меня
Ведьма-мачеха твоя,
Погубила меня,
Утопила меня.

И забурлило что-то на середине озера, словно бы кто камешек кинул. Маруся к воде потянулась, захотела подняться, привстать и... проснулась.

Смотрит: лежит она у кочки, близ озера. Занимается над водою заря ясная, лучами ей прямо в очи глядит. Вспомнила про гуся Маруся, на ноги поднялась и пошла искать по берегу, по лесу, по полю. Устала, измаялась, нигде не нашла, домой к вечеру воротилась.

Разгневалась, разъярилась мачеха, с кулаками на нее напустилась:
– Ах ты, дрянная девчонка, негодница! Где ты все шаталась, пропадала?
Исколотила ее пуще прежнего и опять прогнала гуся искать.
Пошла снова в лес Маруся. Вечером к озеру, к знакомой кочке прибрела, прилегла, и сама не заметила, как заснула. И услышала снова Маруся песню:

Моя дочка, моя ясочка,
Ты зачем сюда пришла?
Видно, злая ведьма-мачеха
Тебя с хаты прогнала.
Не встать уж мне, не выплыти:
Пески в воде усыпали
Всю косу мне, всю русую;
Руки в камыше увязли,
А сердце мне змея-тоска

Сосет, грызет без устали.
Погубила меня
Ведьма-мачеха твоя,
Погубила меня,
Утопила меня.

Ближе и внятней раздалась песня, и как будто рыбка закружилась в воде. Вся в тоске встрепенулась Маруся, с кочки неслышно скатилась, к воде спустилась, руками воды коснулась и... очнулась от крепкого сна.

Глядит: занялась зорька ясная и розовым огнем схватила полнеба. Встала на ноги, отряхнулась Маруся и побрела снова по лесу искать гуся.

Долго бродила, всюду ходила. Нет, не нашла. Сердце у нее сжалось. Как идти, как сказать! Опять побьет мачеха. Однако нечего делать, собралась с духом, пошла.

Увидала ее без гуся, из себя вышла ведьма, у ворот встретила и во двор не впустила, крепко избила, назад воротила.

Отошла Маруся, оглянулась назад и увидала своего отца. Стоял старый, кулаком слезы утирал, — жаль было отцу дочку.

Вот пропала из очей родимая хата. Не видать отца, не видать мачехи-красавицы у ворот, не видать и вишневого сада. И села родного не видать.

Пошла в чащу, отыскала лесную кочку Маруся, прилегла, протянула ноги босые, израненные, положила под голову руки исцарапанные, на плечо дырявую сорочку натянула и забылась крепким сном.

Все тихо. Но вот опять заслыпалась песня:

Моя дочка, моя ясочка,
Ты зачем сюда пришла?
Видно, злая ведьма-мачеха
Тебя с хаты прогнала.
Не встать уж мне, не выплыти:
Пески в воде усыпали
Всю косу мне, всю русую;
Руки в камыше увязли,
А сердце мне змея-тоска
Сосет, грызет без устали.
Погубила меня
Ведьма-мачеха твоя,
Погубила меня,
Утопила меня.

Ясно, звонко раздалась над водою та песня около берега, около Марусиного уха. Нагнулась Маруся, глядит: из воды на нее другое лицо смотрит. Тихо сияют лазурные очи, тихо лепечут бледные губы, протянулись ласковые руки...

— Мама! — крикнула сердцем Маруся, сама потянулась и... скатилась с берега в озеро.

Занялась зоренька ясная, осветила лесную кочку и не увидала на кочке Маруси. Не видала больше мачеха падчерицы, не видел старый батько малой дочки своей.

Давно то было, и быльем поросло Марусино озеро. Заглохло, заросло ракитой кругом, нет к озеру пути человеку. И одни только божьи пташки поют, перепархивают, в ветках зеленых гнезда вьют, да рыбки серебряные плещутся. А порой в ясную ночь выплывают на берег две русалочки, садятся на лесную кочку и не наглядятся друг на друга. И гусёк белый с ними рядом сидит. Нашла гуся Маруся. Утопила его мачеха в озере, нарочно искать заставляла.

Посидят, крепко обнявшись, пока светит месяц да звезды сияют, и уплывут на зорьке назад в синие волны.

Недолго жил, скоро помер казак старый, а мачеха злая из села ушла и не воротилась, и что с нею сталоось, никому не известно.

Лида кончила и замолчала над книгой. Слушатели ее не прерывали молчания, будто ждали продолжения.

В детской стемнело. Длинный косой луч заходящего солнца заглянул в последний раз в комнату и осветил детей: внимательные лица Любочки и Коли, стриженую головку Жени и среди них на высоком креслице Лиду, бледную, с потемневшими глазами, с вытянутой вперед худенькой голой рукой, которой она по обыкновению размахивала во время чтения.

Матрена мирно спала и громко хранила в уголке, в своем кресле.

Глава VI

В передней сильно зазвенел колокольчик.

– Барин, должно быть! – сказала Аксюша и опрометью бросилась отворять дверь.

В самом деле приехал пapa. Он был не один. С ним вместе вошла в комнату высокая худощавая дама в нарядном черном платье со шлейфом. Она откинула с лица вуаль, сняла шляпку, перчатки и, повернувшись лицом к пapa, спросила:

– А где же дети?

– И сам не знаю, – улыбаясь, ответил пapa. – В детской, должно быть. Пойдемте теперь в вашу комнату, отдохните с дороги, а потом я вам покажу мое маленькое стадо.

Гостья ничего не ответила, а пapa взял ее под руку и повел через коридор в комнату.

В детской между тем поднялась суматоха. Прибежала снизу, вся запыхавшись, Аксюша и взволнованным голосом объявила, что «тетенька изволили приехать».

Матрена вскочила с кресла и как безумная заметалась спросонок. Она схватила банку помады и начала немилосердно мазать стриженые волосы Коле, стащила рубашонку с Жени, стала напяливать через голову другую, закричала на девочек, чтоб они скорей переодевались.

– Зачем это? – возразила Лида. – Совсем не нужно. – Ну рассказывайте еще! – сердито прикрикнула на нее Матрена. – Надевайте поскорей чистые блузки да фартуки новые возвращайтесь, – там в шкафу висят.

Но Лида отказалась наотрез и принялась уговаривать Любочку:

– Люба! Ведь без тети мы бы не стали переодеваться, ведь так бы остались? Значит, и при тете не нужно. Ведь это значит тетю обманывать. Я не хочу, я не стану переодеваться. Я не хочу тетю обманывать!

Все это было бы, пожалуй, верно, если бы Лидино платье не нуждалось в перемене независимо от тетиного приезда. Короткая ситцевая юбочка была сильно помята, оборка в нескольких местах оторвалась, а белый фартук смахивал на пыльную тряпку.

– Погубить меня, видно, хочешь, – начала, переходя от сердитого к жалобному тону, Матрена. – Хочешь показать тетеньке, что вот, мол, не смотрит няня за нами, в грязи, мол, нас водит.

Лида принялась с жаром уверять, что совсем она этого не хочет показать, что она...

Но тут Любочка увидела через стеклянную дверь папу и громко всем объявила об этом. Лида замолчала на полуслове. Матрена отошла в сторону.

Дверь отворилась. В комнату вошел пapa, а за ним приехавшая высокая гостья – тетя Катерина Петровна.

– Вот это мой мальчуган – первый номер, а это – номер второй, – говорил пapa, представляя Колю и Жени. – А это – девчурки. – И он подвел к тете Лиду и Любку.

Катерина Петровна нагнулась и поцеловала в лоб трех старших детей, Жени же она подняла с полу и расцеловала в обе пухлые щечки.

Тетя была худощавая, нарядная, с тонкой талией, такая высокая, чуть ли не с папу ростом. Большие глаза смотрели серьезно из-под темных бровей, а маленький рот, показалось Лиде, как будто совсем не умел улыбаться.

– Которая же старшая? Я так давно не видела, забыла совсем. Да неужели же Любочка переросла Лиду? – спросила тихим, необыкновенно ровным голосом тетя.

Голос ее не понравился Лиде.

– Переросла, давно переросла, – отвечал пapa. – А Лида у нас вовсе не растет, так и остается малышкой, маленькой обезьянкой.

Пapa выдвинул Лиду вперед и поставил посередине комнаты, как раз напротив тети.

Лиде вдруг сделалось ужасно неловко. Она вспомнила свой разговор с мамой и покраснела до ушей. Тетя так пристально смотрела на нее серьезными темными глазами, точно хотела по лицу отгадать, о чем она думала. Лида захотелось убежать куда-нибудь, спрятаться, а папа как раз взял ее за руку и притянул еще ближе.

— Как вы находите, на кого она похожа? — спросил он тетю.

— Не знаю, право, — отвечала тетя, еще пристальнее поглядев на девочку. — На мать не похожа, на вас тоже нет.

— На вас, на тетю похожа. Вы вглядитесь только — портрет.

Катерина Петровна смерила глазами маленькую худенькую фигурку, стоявшую перед ней, покачала головой и ничего не ответила, но Лида вспыхнула пуще прежнего. Ей показалось, что тетя недовольна таким сравнением. Она взглянула на свое замазанное, измятое платье, на свои красные, немытые руки и на тетин длинный шлейф и ее отличные перчатки, и ей стало досадно, зачем она не принарядилась, как приказывала Матрена. Она уже забыла о своей похвальной правдивости и думала только, что, будь она понаряднее, тетя, может быть, и не смерила бы ее таким недовольным взглядом.

Лида вырвала свою руку из папиной и убежала в угол, к окну.

Тетя недолго просидела на этот раз в детской, к удовольствию Матрены и Лиды. Она скоро поднялась со своего кресла, обошла комнату, беглым взглядом окинула в ней все предметы, мимоходом провела пальцем по пыльному зеркалу, потрепала по щечке Жени и вышла.

Долго в этот вечер не могла Матрена угомонить своих питомцев. Все ее возгласы: «Тише, дети! Да замолчите ли вы? Спать пора!» — не привели ни к чему. Разговорам не было конца. Едва лишь утомленная приказаниями и упрашиваниями опускала она на подушку голову, как с трех подушек в трех кроватках подымались три головы и начинались новые споры и беседы.

— И ты можешь говорить, что она тебе нравится! — говорила Лида, сдерживая по возможности голос и с гримасой боли прижимая левой рукой правую, которую только что ушибла о железную спинку кровати, размахивая руками во время разговора.

— Да чем же она дурна? — старательным шепотом спрашивала Любочка, с любопытством подняв голову над подушкой. — У нее какое платье отличное!

— Так разве я тебе про платье говорю? Ты послушай только, какой у нее голос.

— Ну какой?

— Такой ровный-ровный, ужасно гадкий! А еще, мне кажется, она злая.

— Почему?

— Так. Она никогда не смеется, не улыбнется даже. Заметила ты, Любка?

— Да, это правда. Только, ты помнишь, мама нам говорила, что она была больна очень. Может быть, у нее и теперь что-нибудь болит, оттого она и не смеется.

— Ну, могла бы улыбнуться хоть разик.

— А какие у нее часы славные — чудо! Золотые, большие, будто у мужчины.

Коля был очень рад, когда мама купила ему подтяжки, как у папы, как у мужчины. Он вообще любил все мужское.

— Все-таки я рада, что она приехала, — сказала Любочка. — Теперь все пойдет хорошо.

— Все пойдет очень гадко, я уж знаю! — чуть не крикнула Лида и даже приподнялась на постели. — По мне, уже или мама с няней пусть будут старшие, или уж никто. С Матреной можно отлично ладить — спит себе целый день, — можно устраивать все, что захочешь. А ей, то есть тете, я, наверное, ни в чем не понравлюсь. Она меня опять не полюбит, как в прошлый свой приезд. Я это уж сегодня заметила.

— Почему?

— Да так, уж я знаю. Так она посмотрела...

Долго еще продолжались разговоры в том же духе, долго еще рассуждали и разбирали по ниточкам новую тетю. Заметили ее строгие глаза, гладкие волосы, чудесный воротничок и черное с камешком кольцо на левой руке.

Для большего удобства Лида перелезла на постель к Любке. Няня никогда не позволяла этого – но ведь няня не позволяла и болтать бог знает до каких пор ночью.

Матрена уже давно спала. И только в половине двенадцатого все наконец смолкло и успокоилось в детской.

Глава VII

Прошло несколько дней, и на всём стало заметно присутствие тети. Все в доме приняло какой-то особенно парадный, необычайно аккуратный вид.

Мама любила чистоту, няня тоже усердно соблюдала порядок, но это было не то: теперь все точно глянцем покрылось, так и блестело, как лакированное. Аксюша бегала с половыми щетками и пыльными тряпками вдвое больше прежнего. Матрена жаловалась, что ей вовсе покоя нет, а Лида ворчала:

– Что же это за наказание! Нельзя по полу на коньках ездить, нельзя качаться, повесившись на ручку двери, на диван нельзя с ногами сесть. Все нельзя да нельзя!

Тетя замечала, что для коньков бывает зимой лед, для качанья будут летом качели на даче, а ерзать по мебели в обуви никогда не годится, ни в какое время года, так как мебель от этого портится, да и платье страдает.

Тетя завела строгий порядок в распределении ежедневных занятий. В семь часов дети должны были быть на ногах. Теперь нельзя уже было потянуться, повалиться минутку-другую в теплой постельке, как делалось, бывало, прежде, когда няня с добродушной улыбкой только подходила, похлопывала по спине, поглаживала по животику с обычновенной своей пригово-рочкой: «Расти велик, будь счастлив!»

Теперь настали другие времена. Аккуратно, с последним ударом семи часов, тетя, уже гладко причесанная, одетая в белую пышную блузу, входила в детскую и говорила своим тихим голосом:

– Дети, вставать пора!

И затем не допускалось уже никаких проволочек.

Дети в ту же минуту должны были подыматься и одеваться, причем Матрена им почти не помогала. По окончании туалета все вместе с тетей сходили в столовую вниз.

И это были уже не прежние веселые завтраки в детской, у круглого столика, когда все уплеталось с таким аппетитом, что в хлебной корзинке и в кувшине не оставалось ни крошки хлеба, ни капельки молока; когда при этом боянили так, что нередко и кувшин, и корзинка попадали под столик, а на все замечания, воркотню няни отвечали таким заливиштым хохотом, что няня, как ни хмурилась, а и сама не могла утерпеть: переставала ворчать и начинала смеяться.

Теперь папа сидел за столом какой-то серьезный, задумчивый, все говорил, что дел у него очень много. Тетя Катерина Петровна хозяйничала и разливала чай так, что, по выражению Лиды, отбивала у нее охоту попросить себе вторую чашку. Тетя запрещала лазить пальцами в стаканы и кувшин с молоком, резать хлеб с двух сторон ради горбушек и проливать на скатерть все, что только подвертывалось под руку.

Тотчас после утреннего завтрака старшие дети отправлялись в классную, приготовляли тетради и книги, повторяли уроки и поджидали тетю. Тетя не заставляла себя долго ждать. Она умела делать все хоть не спеша, а проворно. Распорядившись по хозяйству, она переодевалась из белой блузы в темное платье и приходила заниматься с детьми.

За время последней болезни мамы дети поотстали немного в занятиях, и тете было с ними немало труда. Она учила их русскому и французскому языкам, священной истории, арифметике и музыке.

Тетя была терпелива, очень терпелива – ей никогда не надоедало объяснять детям непонятные для них слова. Отдавала она приказания и делала выговоры, не повышая тона, все тем же ровным, спокойным голосом. Она не любила наказывать, а браниться, кажется, даже совсем не умела.

Коля учился прилежно, Люба, когда не ленилась, тоже хорошо отвечала свои коротенькие уроки. Но Лида!.. Недаром Матрена считала ее способной рассердить ангела на небе. Своими постоянными причудами, капризами и выходками она выводила из терпения даже тетю. К несчастью, Лида выказывала обыкновенно все свои недостатки именно тогда, когда гораздо разумнее было бы хорошо себя вести: при гостях, когда в доме появлялось какое-нибудь новое лицо. Тетя Катерина Петровна в самое короткое время познакомилась с различными образчиками Лидиного характера.

Училась Лида, пожалуй, очень хорошо, но только тогда, когда хотела, и по тем предметам, которые любила. Она славно рассказывала священную историю, шутя выучивала всевозможные стихи и басни, была большая охотница до рисования, до всяческих историй, сказок, рассказов. Но чуть дело подходило к чистописанию, грамматике, еще того хуже – к арифметике, – все круто менялось. Бумага всегда бывала такая шершавая, скверные перья цеплялись за нее, и оттого, верно, вместо буквы «р» выходило «ф», а вместо «ф» – такой удивительный знак, которому и название трудно придумать. В диктанте Лида ухитрялась сделать десять ошибок в девяти словах, а когда тетя поправляла ее и говорила, что пять умножить на шесть будет тридцать, а ни в каком случае не двадцать четыре, Лида делала глупые глаза и спрашивала: «Да как же это так?»

Но самые крупные ссоры и большие несчастья случались с Лидой не на уроках. Время с половины десятого до часу дня, отведенное для учебных занятий, было, пожалуй, самым благополучным временем. Как бы то ни было, каждый занят был своим делом, тетя сидела подле серьезная, важная, – никому не приходило в голову дурачиться.

Но вот снизу начинало долетать бряцанье ножей и ложек, стук посуды. Вкусный запах крупеника⁷ или молочного супа возбуждал аппетит. Дети слышали, как Аксюша подходила к лестнице, как подымалась на первые три ступеньки и наконец звала звонким голосом: «Завтракать подано! Кушать пожалуйте!»

Все бежали вниз завтракать, а после завтрака наступало для детей свободное время. Каждый мог делать что угодно. Коля приносил ящик со столярными инструментами: рубил, пилил, плотничал. Люба устраивалась где-нибудь в уголке со своими куклами и котятами, и едва только Жени замечал это, как сейчас же бросал няньку, бежал к сестре, и они мирно играли вдвоем.

Вначале Лида тоже принималась за какое-нибудь занятие: возилась с куклой, раскрашивала картинки.

Но вот кукла была отброшена в сторону, краски отодвинуты. Лида вскочила с места и объявила решительно, что «одной играть – страшная скука, а давайте лучше все вместе играть».

– Хорошо, – согласился Коля. – Только во что?

– В путешественников, – предложила Лида.

– А как это?

– Да это я сама придумала. Я тебе сейчас расскажу: мы будто путешественники и едем по лесу, такой большой-большой дремучий лес. Принесем из залы стульев – это и будет лес, и будто на нас нападают разбойники, а мы станем защищаться и тоже на них нападем. Там уж дальше я потом скажу, а теперь поняли? Хорошо?

– Кто же будет разбойник? – спросила Любочка. – Коля будет разбойник, а ты, Люба, будешь мама, а Жени будет сын, а я буду муж. Ну, бежим за стульями!

– Да как же? Ведь тетя не позволила передвигать мебель! Она рассердится, – вдруг вспомнил, останавливаясь на бегу, Коля.

– Ничего, ничего, мы потом опять на место поставим… Ничего, говорю я тебе!

---

⁷ Крупеник – запеканка из крупы.

– Нет, все-таки… Уж лучше мы без стульев, Лида! – начал было Коля, но Лида не дала договорить Коле:

– Вот ты всегда так! Ты все мне только портишь. Ах, пожалуйста, уж не спорь! Я уж теперь не могу! Я сама потом тете все скажу… Ну, Коля, ну мой голубчик, пожалуйста! Увидишь, как хорошо будет.

Матрена по привычке дремала над чулком в углу, на скамеечке, тетя сидела в своей комнате у рабочего столика и, видно, сильно была занята работой, если не обратила внимания на страшный шум, с которым устраивался дремучий лес. Все стулья из залы были снесены и поставлены на середину комнаты, – лес вырос совсем непроходимый. Из большого кресла вышла телега.

– А вот это будет наша поклажа, – объявила Лида и забрала свои краски и Колины инструменты. – Ты, Коля, будешь отнимать у нас поклажу.

– Лида, можно мне взять Лизу с собой? Она будет моя дочка, – спросила про куклу Люба.

– Можно. Ну, Коля, теперь уходи поскорее в лес на опушку и подкарауливай нас. Скорей! – скомандовала Лида.

Вначале все шло благополучно: Лида в качестве мужа и кучера, сидя на облучке телеги – на спинке кресла, – усердно махала кнутом. Люба настоящей мамашей с семейством, с Жени и Лизой, уgnездилась в кресле.

Коля ползком пробирался по лесной опушке.

– Ты, Коля, взвизгни, как нападать будешь. Так нужно! – шепотом учила Лида, не глядя на брата.

Коля напал, взвизгнул, Лида ответила ему отчаянным воплем, бросилась на защиту поклажи и крикнула Любe, чтоб она спасалась в лес.

Люба со своими «детками» только что славно устроилась, она уютно примостила их подле себя «на телеге» и покрыла шубкой – старым няининым зеленым платком. Любe очень не хотелось никуда перебираться.

– Ничего, Лида! Я лучше в телеге побуду. Будто бы разбойник…

Но Лида не могла уже ничего слушать.

– Люба, иди скорее! Теперь будет самое интересное. Скорей спасайся, скорей в лес!

Нечего делать – Люба с семейством начала выкарабкиваться из телеги, исполняя приказание, но с первых же шагов запуталась в частых деревьях. Как ни тащила она за руку Жени, тот ничего не понимал, упирался, цеплялся ногами за ножки стульев, падал вместе с Лизой между стульями и вдруг поднял оглушительный рев.

Ах какая досада! Лида только что собиралась ловко отвоевать поклажу! Но было уже не до поклажи. Жени кричал так громко, что тетя каждую минуту могла услышать, прийти… Лида опрометью кинулась на помощь Женьке, но вспыхах свалила всю поклажу – Колины инструменты – и мимоходом, между стульев, наступила каблуком на восковое лицо куклы Лизы.

Мигом игра расстроилась: Коля негодовал, Любочка разразилась горькими рыданиями над бедною Лизой. На общий шум прибежала в комнату испуганная тетя и проснулась Матрена.

– О чём плач? Что случилось?!

– Лидка! Ты все мои пилки растеряла. Я тебя отколочу! – кричал Коля, забыв, что он уже больше не разбойник.

– Ты ей нос раздавила! Ах, ее даже склеить нельзя, бедную мою Лизочку! – плакала Люба.

Матрена вытаскивала из-под стульев растерянного, заплаканного Жени и громко ворчала:

– Что же это за божеское наказание! Минутки покоя нет. И что за шалунья за такая, выдумщица! Не барышня, а как есть с улицы сорванец!

Тетя не бранила Лиду, а молча смотрела, нахмурив темные брови.

— Я ведь не велела переносить мебель из других комнат. Кто это сделал? — спросила она, показывая на стулья.

— Это лес. Это я для игры придумала, тетя, — отвечала Лида.

— Посмотри, Лида, ты нас всех обидела: меня обидела тем, что не послушалась, надеялась такого беспорядка, когда знаешь, что я этого не люблю. Ты испортила вещи Любочке и Коле, заставила плакать маленького брата. Нет, ты, видно, не умеешь играть с другими. Ступай посиди одна в кресле, пока не придумаешь чего-нибудь поумнее этой игры.

Лида стояла беспокойная, сердитая и теребила кончик своего фартука.

— Моя игра была хорошая, это они — глупые, — объяснила она.

— Лида, пойди и сядь в кресло, — повторила тетя. — Тетя, я не хочу сидеть в кресле, я хочу играть.

— Очень верю. Но для этого надо прежде научиться играть с другими, а ты пока умеешь только портить игру остальным. Я говорю: пойди и сию минуту садись на место.

Лида исподлобья быстро взглянула на тетинны брови, сердито дернула плечом и пошла к окну, к креслу.

Тетя боялась оставить комнату — как бы опять не случилось беды, — и присела с работой у столика.

Лида не могла спокойно просидеть и трех минут. Она вертелась, поднималась на месте, наконец нашла себе удобное положение, вытянулась во весь рост в длинном кресле, а ноги положила рядом на стул.

— Лида! Так не сидят маленькие девочки, в особенности наказанные. Кресла сделаны не для того, чтобы валяться в них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.